

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1997 ГОД

С.-ПЕТЕРБУРГ

2002

Редакционная коллегия:

А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скотов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор:

Т. Г. Иванова

Рецензенты:

Е. Д. Кукушкина, Е. Р. Обатнина, М. М. Павлова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 01-04-16023д*

К ИСТОРИИ АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ ВЯЧ. ИВАНОВА

1

И. М. Дегтеревский — Ал. Н. Чеботаревской

Конец (после 30 ноября) 1921—начало (до 2 мая) 1922 г.¹ Москва

Дорогая Александра Николаевна!

Большое и сердечное Вам спасибо за Ваше хорошее и обстоятельное письмо. Из письма к Вячеславу Ивановичу Вы узнаете о нашем житье-бытье.² Все Ваши распоряжения относительно квартиры исполню. Был у Нат<альи> Вас<ильевны>³ и она просила сообщить, что теперь в Вашем доме образовался кооператив, который берет дом в свое управление. От своей квартиры она подала тоже заявление о вступлении туда членами, причем поместят и Вас. Приблизительно через месяц Вам придется внести 125.000 р<у>б<лей> — 25.000 р<у>б<лей> вносятся безвозвратно, а сто выдаются при выходе. Затем будет установлена плата за пользование помещением, но размер еще не выяснен. Нат<алья> Вас<ильевна>

очень обрадовалась, что сундуки будут внесены в комнату, что же касается до замка, то он уже давно висит на дровах, и, по ее словам, все находится в целости. Одним словом, насчет квартиры не беспокойтесь. Вашу телеграмму о болезни Вяч<еслава> Ивановича показывал в свое время Гершензону,⁴ Бердяеву⁵ и Чулкову.⁶ Дорогая Александра Николаевна, уговорите Вяч<еслава> Ивановича приехать в Москву, здесь ему теперь так много дела, воскресает издательство,⁷ он сможет многое продать из своих изданий (из старых одних рукописей наберется сколько сборников), и, наконец, отсюда его скорее отпустят за границу и снабдят деньгами. Уехал же Белый и благополучно проживает в Берлине, где уже успел открыть свою «Вольфилу» (Вольную Философскую Ассоциацию).⁸ Он, между прочим, открыл ее и в Москве, и на первом заседании говорил о «Преступлении и наказании» Достоевского.⁹ Итак, уговаривайте Вячеслава Ивановича! В Москве сейчас начинает закипать жизнь, а в Петербурге, кажется, еще сильнее. Жду ответов с оказией до отъезда Бархудова.¹⁰ Попросите Вяч<еслава> Ив<ановича> прислать что-нибудь в журнал Язвицкого.¹¹

Крепко жму Вашу руку.

С глубоким уважением

Ив. Дегтеревский.

Питиска под чертой в конце 1-й страницы: Относительно Ан<астасии> Ник<олаевны> ничего сообщить Вам не могу, так как до сих пор ничего определенного неизвестно. Фед<ор> Кузм<ич> продолжает ее искать и вывешивать объявления.¹²

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 87).

¹ Датируется по фактам, приводимым в прим. 8 и 12. Письмо адресовано в Баку, где в это время находилась Ал. Н. Чеботаревская.

² Письмо пока не обнаружено.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Гершензон Михаил Оситович (1869—1925) — историк культуры, философ и душевный друг Вяч. Иванова. Их письменный философский диалог «Переписка из двух углов» (Пб.: Алконост, 1921) стал событием в культурной жизни России. Об истории «Переписки» и биографические сведения о Гершензоне см. в статье-примечаниях О. А. Шор: *Дешарт О. Парерга и Паралипомена // Иванов В. И. Собр. соч.* Брюссель, 1979. Т. 3. С. 807—818. См. также предисловие Т. А. Макагоновой к первому отечественному переизданию «Переписки» (Наше наследие. 1989. № 3 (9). С. 120—122), ее статью «Дни и труды М. О. Гершензона. (По материалам архива)» (Российская Государственная библиотека. Записки отдела рукописей. М., 1995. Вып. 50. С. 5—103) и монографию В. Проскуриной «Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф» (СПб., 1998).

⁵ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ и религиозный деятель, высланный в 1922 г. из России. Бердяев был одним из создателей и «несменяемым председателем» знаменитых собраний на «башне» у Вяч. Иванова (Петербург, 1905—1907). См.: *Бердяев Н. Ивановские среды // Иванов Л. Воспоминания.* С. 319—323. В своей философской автобиографии Бердяев называл Иванова «центральной фигурой того времени». Их связывали «долгие дружеские отношения, но было и немало драматических столкновений» (*Бердяев Н. А. Самопознание.* Л.: Лениздат, 1991. С. 153).

⁶ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, беллетрист. См. его воспоминания о знакомстве (1904), дружеском сближении и встречах в Риме (1907) с Вяч. Ивановым, которого он называл «глубоким мыслителем и счастливым угадчи-

ком древних тайн»: Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 77—80; 241—243. В письме к А. С. Яценко от 25 августа 1924 г. Чулков посетовал: «Завтра Вяч. Иванов уезжает в Италию. С ним я сблизился чрезвычайно за эти последние недели. Его отсутствие будет большим ущербом для нашего дома на Смоленском бульваре» (Русский Берлин: 1921—1923. С. 245).

⁷ Возможно, имеется в виду «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912—1923).

⁸ Андрей Белый осенью 1921 г. уехал в Берлин, где 30 ноября начал работу филиал Вольной Философской Ассоциации. См.: *Обатнина Е. Р., Белоус В. Г.* Берлинская Вольфила (1921—1922): Хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141—155. См. также в письме из Москвы Ал. Чеботаревской к сестре Анастасии от 1 апреля 1920 г.: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотали и получили разрешение выехать А. Белый (первый по счету) <...> (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А. В. Лаврова и Д. Мальмстада; Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Д. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 211).

⁹ См. хронологическую канву жизни и творчества Андрея Белого, составленную А. В. Лавровым на основании архивных и опубликованных источников, раздел «1921 г.»: «6 сентября. Отъезд в Москву. Сентябрь <...> Участвует в организации московского отделения „Вольфила“. <...> 15 октября. „Преступление и наказание“ Достоевского», доклад на публичном заседании московского отделения „Вольфила“ (Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 318—319). См. также: *Белоус В. Г.* Андрей Белый — председатель Вольной философской ассоциации (Вольфила) // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 113—122.

¹⁰ О ком идет речь, установить не удалось.

¹¹ *Язвицкий Владимир Иолиевич* (1884—1957) — литератор. Возможно, речь идет о предполагаемом возобновлении издания — «Жизнь: Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал / Под ред. В. И. Язвицкого» (М.: 16-я тип. МСНХ, 1922. № 1). См. также письма Язвицкого к Федору Сологубу 1916 г. в качестве редактора книгоиздательства «Чайка», газеты «Утро России», с приглашениями в сборники «нового книгоиздательства „Северные цветы“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 792).

¹² Речь идет о жене Федора Сологуба Анастасии Николаевне Чеботаревской (1876—1921). В период обострения душевной болезни, 23 сентября 1921 г., она ушла из дома, тело ее было обнаружено в реке Ждановке лишь 2 мая 1922 г. См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Наука, 1997. С. 299—301.

2

В. И. Иванов

19 августа 1922 г. Баку

Доверяю Александре Николаевне Чеботаревской полное распоряжение моим имуществом, находящимся на бывшей моей, ныне жене ее, квартире в Москве, Б. Афанасьевский пер. 4, кв. 3.

Профессор Бакинского Государственного Университета

Вячеслав Иванов.

Баку,
19 августа 1922 г.

<Печать и заверка>.

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 92, л. 63).

И. М. Дегтеревский — Ал. Н. Чеботаревской

До 9 октября 1924 г. Москва¹

Дорогая Александра Николаевна!

До Вашего письма мы все поджидали Вас в Москву, сами же не поехали в Ленинград, потому, что уж очень была мала и криклива наша Наташа. Теперь она выросла, сегодня как раз ей 3 месяца, и все требования ее приняли какой-то более планомерный и, главное, понятный для нас характер.

У Бахрушина² я не был, так как все время поджидал Вас самих. От Вячеслава Ивановича писем не имел, но приходила Ольга Александровна³ и рассказывала, что он писал ей и просил выслать какое-то издание Эсхила, подаренное ему Нилендером⁴ и забытое перед отъездом в комнате Цекубу.⁵ Так как Вы мне такой книги не передавали, то я посоветовал ей написать Вам письмо.

Думаю, что лучше всего поручить хлопоты об охранной грамоте на вещи В<ячеслава> И<вановича> Ольге Александровне, так как при ее обширном знакомстве это гораздо легче можно сделать.

Живем мы тихо и мирно, мало где бываем. На днях выйдет моя книжка «Ленин в художественной литературе».⁶ Работы последнее время довольно много.

Черкните: нет ли известий о В<ячеславе> Ив<ановиче>. Не хворайте, меньше работайте и вспоминайте иногда москвичей, которые Вас всегда помнят и ждут. М. И.⁷ Вас целует.

Ваш И. Дегтеревский.

Р. С. К. О. А. Шор зайду на днях.

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 87).

¹ Датируется по письму О. А. Шор к Вяч. Иванову от 9 октября 1924 г. (см. п. 4).

² *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — директор и основатель Государственного Центрального Театрального музея в Москве. См. прим. 2 к п. 11.

³ Имеется в виду Ольга Александровна Шор. См. п. 4.

⁴ *Нилендер Владимир Оттонович* (1883—1965) — поэт и переводчик древних авторов, составитель хрестоматии «Греческая литература в избранных переводах» (М., 1939), включающей переводы Вяч. Иванова. О сотрудничестве Иванова и Нилендера в неосуществленном проекте антологии греческой лирики в русских переводах (1912—1913 гг.) см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятников мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сборник научных трудов. М., 1990. С. 137—143.

⁵ Приглашенный из Баку в Москву для участия в праздновании 125-летия со дня рождения А. С. Пушкина (1924), Иванов до самого отъезда в Италию (28 августа 1924 г.) жил в Доме ученых ЦЕКУБУ (Центральная Комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР (1921—1931)).

⁶ Сведений о выходе этой книги обнаружить не удалось.

⁷ М. И. — возможно, жена И. М. Дегтеревского.

О. А. Шор — В. И. Иванову

9 октября 1924 г. Москва

9 октября 1924 г. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

<...> грустно стало от забот и тревог, которыми новый быт уже на Вас наступает. Денег за мебель Александра Николаевна мне пообещала, но не передала. Я ей послала запрос о них в Петроград, куда она внезапно уехала; как только их получу, сейчас же Вам вышлю. Если «Aeschylī Tragoediae»¹ запоздало теперь не обнаружилось в Вашем багаже, то, надеюсь, Вам недолго придется оплакивать эту потерю. Уж как-нибудь мы Эсхила Вам раздобудем. Не важно же для Вас, чтобы это была физически та же книга. В Москве ее нет. (К сожалению, и я ее забыла). К Дегтеревскому она не попала, хотя именно ему Алекс<андра> Ник<олаевна> передала все оставшиеся, чужие книги. Остается сделать мало правдоподобное предположение, что Ал<ександра> Ник<олаевна> увезла ее с собою в Петроград. Одновременно с этим письмом, посылаю письмо А<лександр> Н<иколаевне> с просьбой прислать мне книгу, быть может, ею спасенную. Если книга будет у меня, то она будет у Вас. Не беспокойтесь: на почте она не пропадет. Одновременно же с этим письмом посылаю письмо двоюродному брату² во Фрейбург с просьбой во что бы то ни стало раздобыть «Aeschylī Tragoediae, ed Al. Kirchhoff» и спешно Вам книгу переслать. Юша свел короткое знакомство с большим магазином, и в моей практике еще не было случая, чтобы он требуемую книгу не достал. Буду очень рада, если мне удастся подарить Вам книжку, без которой Вы не можете работать. <...>

Вашу библиотеку мы пока не тормозили. С Иваном Моис<еевичем> говорились ее толком переписать и сделать карточный каталог; тогда только ее можно будет расценить.³ Впрочем, мечтаю, что продавать Вам ее не придется и она в том надежном месте, где находится, спокойно дождетя Вашего возвращения. А пророс надежных мест: Зелинский на время своей заграничной поездки поместил свою библиотеку в полуподвальный этаж Академии наук. Во время ленинградского наводнения (о кот<ором> Вы, вероятно, читали) она вся погибла...⁴ Только, ради Бога, не поймите мое à proros в том смысле, будто я Вам советую как можно скорее библиотеку ликвидировать; наоборот, я за ее сохранность совершенно спокойна и меньше всего хотела бы ее продавать. <...>

Буду ждать Ваших поручений и приказаний <...>

Примите сердечный привет Вам и Вашим от душевно, целостно
Вам преданной

О. Шор.

¹ Имеется в виду издание: *Aeschylus. Tragoedie* / Ed. A. Kirhhoff. Berlin: Weidmann, 1880 (Перед загл.: Aeschili).

В. Иванов много лет работал над переводом трагедий Эсхила. Именно этот труд стал одной из официальных версий его отъезда из России. В автобиографии 1926 г. он писал: «С осени 1924 научная заграничная командировка для работы по греческой религии и Эсхилу в Италии» (*Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «Земля»: Письма: Автобиография (1926) / Публ., вступит. статья и коммент. Г. В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 167). В заявлении от 1 мая 1926 г. на имя А. В. Луначарского с просьбой о продлении научной командировки в Риме Иванов подчеркивал: «Центром моих незаконченных изысканий служит по-прежнему Эсхил» (Из Римского архива Вячеслава Иванова / Публ. А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рици и А. Шишкин. Trento, 1997. С. 558). Об истории ивановского перевода Эсхила и, в том числе, об участии О. А. Шор (чтение корректур, посредничество с издательством) см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 497—522.

² Речь идет о двоюродном брате Ольги Александровны — Евсее (Иегошуа; домашнее имя — Юша) Давидовиче Шоре (1891—1974), сыне известного пианиста Д. С. Шора. С 1922 г. жил в Германии: Фрейбург, Берлин, Дрезден, позднее переехал в Палестину. Е. Д. Шор переводил произведения В. Иванова на немецкий язык и оказывал существенную помощь в ведении переговоров с издательствами. В Римском архиве Иванова и Иерусалимском архиве семьи Шор сохранилась обширная переписка Иванова и Е. Д. Шора. Фрагменты из нее см.: *Иванов В. И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 760—770; *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор. (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // *Cahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV (1—2). Janvier-Juin. P. 334—340, 342—352.

³ Сохранилось несколько списков библиотеки Вяч. Иванова. По некоторым из них, составленным самим владельцем и Ал. Чеботаревской, подготовлена публикация Г. В. Обатнина «Библиотека Вяч. Иванова». Списки, составленные Ивановым, с надписью «Для Дегтеревского» находятся в Римском архиве. (См.: *Опись Римского архива Вячеслава Иванова*, № 207). Карточный каталог, о котором идет речь, пока не обнаружен.

⁴ *Зелинский Фаддей Францевич* (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета, ближайший друг Вяч. Иванова. Уезжая в 1921 г. в Польшу, оставил свой архив и библиотеку Петербургскому отделению Архива Академии Наук. Некоторая часть архивных материалов отложилась также в Римском архиве Вяч. Иванова.

5

М. Б. Гершензон¹ — В. И. Иванову

27 марта 1925 г. Москва

Москва. 27 марта 1925 г.

<...> Еще горе у нас было с Александрой Николаевной,² Вам писали уже об этом. Мы хоронили ее, бедную, через две недели после М<ихаила> О<сиповича>, и лежит она от него в двух минутах ходьбы на Ваганьковском кладбище. <...>

¹ *Гершензон (урожд. Гольденвейзер) Мария Борисовна* (1873—1940) — жена М. О. Гершензона и сестра известного пианиста и композитора Александра Борисовича Гольденвейзера (1875—1961).

² Имеется в виду самоубийство Ал. Н. Чеботаревской 22 февраля 1925 г., случившееся после ее участия в этот день в похоронах скорпостижно скончавшегося М. О. Гершензона (19 февраля). О. А. Шор вспоминала, что «отъезд В. И. глубоко

огорчил Александру Николаевну; она знала, что расстались они навсегда». Дружба с Гершензоном служила поддержкой Александре Николаевне, страдавшей «припадками мучительной тоски, грозно свидетельствующими о гнездящейся в ней наследственной душевной болезни». См. об этом и об обстоятельствах трагического конца Ал. Чеботаревской в комментариях О. А. Шор ко второму тому брюссельского Собрания сочинений Вяч. Иванова (С. 725—726). Это событие поразило многих современников и нашло отражение в их мемуарах и переписке. См., например, мартовское письмо 1925 г. Андрея Белого к Иванову-Разумнику с подробным рассказом о похоронах Гершензона: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 311—312; 320—321.

6

В. М. Зуммер¹ — В. И. Иванову

5 апреля (23 марта) 1925 г. Баку²

Леля Самойлова³ писала, что застрелилась Александра Николаевна Чеботаревская; и другое подобное же известие получено в Баку. Кажется, было об этом и в газетах, так что, по-видимому, сомневаться в этом нельзя.

¹ Зуммер Всеволод Михайлович (1885—1970) — искусствовед, археолог, профессор Бакинского университета. Был знаком с Ал. Н. Чеботаревской, прожившей год в Баку: Вяч. Иванов вызвал ее осенью 1921 г. для помощи своей семье, на которую обрушились тяжелые болезни. См.: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. М., 1992. С. 98—99. В феврале 1925 г. Зуммер составил и послал В. Иванову список его книг, оставшихся в Баку. Один из разделов списка с надписью: «Сии книги принадлежат Ал. Н. Чеботаревской. Просьба сохранить». В конце приписка Зуммера: «Настоящий список будет положен мною в основание доклада в Нео-Филологическом Обществе: „Библиотека Вяч. Иванова“» (Римский архив Вяч. Иванова).

² Почтовая открытка датируется по почтовому штемпелю.

³ Речь идет о Леле Самойловой, входившей в основанный Ивановым в Баку поэтический кружок «Чаша» (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 100).

7

В. И. Иванов

12 июня 1925 г. Рим

Поручаю Ольге Александровне Шор принимать от моего лица все нужные меры для перерегистрации могил Новодевичьего монастыря, для охранения могил моей семьи (Веры Константиновны Ивановой¹ и Марии Михайловны Замятниной²). Равным образом передаю заботу об охранении могилы моего друга Вл<адимира> Францевича Эрна,³ порученную мне его женою, живущею в Тифлисе, Ольге Александровне Шор.

Вячеслав Иванов,
командированный с научной целью за границу.

Рим, 12 июня 1925.

¹ *Иванова (урожд. Шварсалон) Вера Константиновна* (1890—1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (1866—1907) от первого брака, а после ее кончины — жена Вяч. Иванова (с 1911 г.), мать Д. В. Иванова. Скончалась от скоротечного туберкулеза 8 августа 1920 г. «в клинике Московского университета. 6 августа ей минуло тридцать лет. Она была похоронена рядом с Марусей и близко от Эрна на кладбище Новодевичьего монастыря» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 86*). Маруся — М. М. Замятнина. О ней и о В. Ф. Эрне см. прим. 2 и 3.

² *Замятнина Мария Михайловна* (1865—1919) — «подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница Ивановых, „домашний гений“ их семьи. Ей посвящено множество стихотворений В. И.» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 409*). Один из современников поэта вспоминал, что внезапная кончина Лидии Дмитриевны (17 октября 1907 г.) могла «обернуться почти катастрофой для уклада жизни на башне, ибо Вячеслав был самым непрактичный человек на свете. Но хозяйство стала вести Мария Михайловна Замятнина, художавая, энергичная, расторопная и неглупая женщина» (Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публ., примеч. и пер. К. М. Азадовского // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. С. 351 (Лит. наследство; Т. 92. Кн. 5)). В архиве Иванова сохранились его стихи, переписанные Замятниной, а также денежно-хозяйственные документы семьи за 1901—1918 гг., которые вела Мария Михайловна: РО ИРЛИ, ф. 607, № 367, 382.

Описывая послереволюционные годы и тяжелые испытания, не миновавшие и семью Ивановых, Лидия Вячеславовна вспоминала: «Маруся стала слабеть, тело ее опухло; от слабости предметы падали у нее из рук. По совету доктора ее поместили в больницу, где было тепло и кормили более сносно. <...> К ранней весне 1919 года она заразилась там сыпным тифом (была сильнейшая эпидемия) и умерла. Мы похоронили ее на Новодевичьем кладбище, близко от Эрна» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 78*).

³ С философом Владимиром Францевичем Эрном (1882—1917) Вяч. Иванова связывали общие научные интересы и теснейшие дружеские отношения. Были близки и их семьи. Л. В. Иванова вспоминала: «<...> я провела зимний сезон 1916—1917 с Эрнами, которые жили у нас на Zubовском бульваре и как бы совсем вошли в нашу семью» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 52*). Вскоре Эрн заболевает: «Его хронический нефрит принимает неожиданно острую форму, и после недолгой, но очень мучительной болезни, он умирает. Перед смертью к нему приезжал Флоренский. Похоронная процессия благообразно проводила гроб в Новодевичий монастырь под пение „Христос Воскресе“» (Там же. С. 72). Вдова В. Ф. Эрна Евгения Давидовна Эрн (урожд. Векилова; 1886—1972) писала: «<...> жизнь В. Ф. оборвалась как раз в тот момент, когда он освободился от всех академических обязательств, получил свободу для писания того, к чему стремился все последние годы. Умер В. Ф. за два дня до защиты своей докторской диссертации. Похоронен в Ново-Девичьем монастыре...» (Из письма вдовы В. Ф. Эрна // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1983. № 138. С. 97). В Римском архиве Вяч. Иванова хранится переписка вдовы В. Ф. Эрна и их дочери Ирины Владимировны Эрн-Калашниковой (1909—1991) с Лидией и Димитрием Ивановыми.

8

В. И. Иванов — О. А. Шор

13 июня 1925 г.

13.VI.25.

Дорогая Ольга Александровна!

Сейчас — только несколько строк. Ибо я сильно испуган угрозою родным могилам. Кого же и просить мне о заступничестве, как не Вас? Вы не только самый надежный и деятельный помощник мой, не только самоотверженный друг мой, — Вы

стали еще и глубоко близким мне человеком. Ваша душевная чуткость, тонкость и прозорливость таковы, что с Вами могу и хочу я говорить о самом внутреннем и заветном, уверенный в музыкальной верности Вашего сердечного слуха: вот почему, кстати сказать, готов я отвечать и на все Ваши вопросы о моей жизни и душе и однажды навсегда прошу Вас говорить мне и спрашивать меня обо всем с последнею прямою, отстранив всякие (слишком, до преувеличения, свойственные Вам) опасения d'être indiscrete^a и тому подобные условности, разделяющие людей. Я Вам глубоко благодарен за предупреждение и умоляю Вас сделать все возможное для охранения нетронутыми наших двух могил в новой части кладбища Новодевичьего монастыря, находящихся по правую сторону от Скрябинской¹ аллеи, ближе к стене, — а именно могилы Веры Константиновны (+8 августа 1920 г.) и Марии Михайловны Замятниной (+25 марта 1919), отмеченных крестами. За обе могилы были внесены покупные деньги; наблюдение за обеими было поручено покойной Ал<ександре> Ник<олаевне> Чеботаревской. Третья дорожка нам могила — там же: Владимира Францевича Эрна. Его жена и дочь в Тифлисе; кто в Москве наблюдает за могилой, не знаю; необходимо позаботиться и о ней. Искал я в своих бумагах выписку о кончине Веры Конст<антиновны>, взятую из полиции, и не нашел,² но к чему она? Возможно, что я ее уничтожил, отправляясь за границу, как устарелый и ненужный документ; если все же найду, вышлю. Тратьте на могилы из моих денег, выдаваемых ЦЕКУБУ, сколько нужно. И, если придется, прибегните к чьему-нибудь покровительству, чтобы они были за мною и закреплены. <...>

Мои Вас целуют. Дима благодарен за марки.

Приветы Вам и Вашим, и благодарность от всего сердца.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Композитор Александр Николаевич Скрябин (1871—1915) — также близкий друг Вяч. Иванова. Ему посвящены стихотворения «Воспоминания о А. Н. Скрябине», цикл из 2-х стихотворений «Памяти Скрябина» (Иванов В. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 531—532; 565) и статьи (см.: Мильникова И. А. Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 88—119). «Было что-то жуткое в его совсем неожиданной смерти, после немногих дней болезни, от случайного заражения крови. Он умер весною 1915 года. Ясное солнечное утро. Торжественная церковная похоронная процессия медленно двигалась, сопровождаемая толпой народа, от его дома до кладбища Новодевичьего монастыря» (Иванова Л. Воспоминания. С. 59). 1 мая 1915 г., вскоре после кончины композитора (14 апреля 1915 г.), Иванов писал В. Г. Каратыгину о планах комитета, «выбранного у гроба Скрябина из среды близких и приверженных ему лиц для устройства дел, связанных с культом его памяти». (Текст письма и другие сведения об участии Иванова в Петроградском Скрябинском обществе см.: Письма Вячеслава Иванова / Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог: Публикации. М., 1989. С. 357—359).

² Свидетельство о кончине В. К. Шварсалон находится в Римском архиве Вяч. Иванова.

^a Быть бестактной (франц.).

О. А. Шор — В. И. Иванову

3 июля 1925 г. Москва

3.VII.25. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо. Не благодарю Вас за него потому, что чувство, вызванное им, совсем не похоже на те душевные реакции, кот<орые> можно было бы назвать этим словом.

Но о благодарности и обо всем остальном в другой раз. Сейчас спешу лишь опровергнуть неточные полученные Вами сведения — или предположения Ваши! — насчет пропажи Ваших вещей. Что касается рояля, то он еще осенью прошлого года был не Алекс<андрой> Ник<олаевной>, а мною сдан на хранение. Мне хотелось сдать его в наем (что было бы Вам выгоднее), но Татьяна Ник<олаевна>¹ — (ее, как всех в Москве, тогда уплотняли) — требовала, чтобы я его забрала в самом срочном порядке, и при той спешке я смогла лишь найти верные руки, кот<орые> оплатили доставку и гарантировали абсолютную сохранность инструмента. Итак, рояль Ваш спокойно стоит на М. Никитской 19, в квартире сестры Федора Авг<устовича>,² милой Марии Августовны Поповой. Мне казалось, что я Вам об этом писала. Вероятно, забыла за вереницей смертей.

Сейчас же по получении Вашего запроса, переговорила с Татьяной Николаевной. Ваше бюро она сама видела в Петрогр<аде>, знает, что там же находится какая-то Ваша мебель, но она не помнит, какая именно. К субботе она обещала мне все выяснить, т. к. до тех пор увидится с Ольгой Николаевной.³ До субботы я еще зайду к Дегтеревскому; быть может, и ему что-нибудь известно. Надеюсь, что ничего или очень мало что пропало. Как только узнаю, подробно напишу. Целую Лидию Вяч<еславовну> и Димочку. Вам самый нежный и благоговейный привет от глубоко преданной
О<льги> Ш<ор>.

¹ Имеется в виду *Чеботаревская Татьяна Николаевна* (1880(?)—1968), сестра Ал. Н. Чеботаревской.

² *Степун Федор Августович* (1884—1965) — один из видных писателей и фило-софов, высланных в 1922 г. из России. Друг Вяч. Иванова, автор статьи к его 70-летию «Вячеслав Иванов» (1936) (перепечатано: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 373—389).

³ Речь идет о Черносивитовой (урожд. Чеботаревской) Ольге Николаевне (1872—1943), еще одной сестре Ал. Н. Чеботаревской. Биографические данные о сестрах Чеботаревских см.: *Черносивитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и коммент М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 221—226.

В. И. Иванов — О. А. Шор

27 июля 1925 г. Рим

Рим. 27 июля 1925.

Дорогой друг, Ольга Александровна!

<...> Каждое письмо к Вам, дорогой друг мой, прежде всего, долг благодарения! Что было бы с нами, если бы Вас не было для спасения и успокоения нашего?.. Какая тяжесть отлегла у меня от сердца при первых строках Вашего последнего письма, в которых Вы возвещаете мне, что я могу быть спокойным за судьбу дорогих могил! Я знаю, что это успокоение стоит Вам немалых трудов и забот. Спасибо Вам, незаменимый, бдительный страж, добрый мой гений! И опять прошу Вас взять из посылаемых мне денег, сколько нужно, на поддержание могил. Последнюю посылку Вашу от 27 июня своевременно, с благодарностью, получил. Без академического обеспечения ЦЕКУБУ дело было бы совсем плохо.

Ни слова не писал я Вам до сих пор о бедной Александре Николаевне.¹ Вы угадываете, чего стоило мне пережить страшную весть. Осведомлен я и об обстоятельствах издавна грозившей, и так все же неожиданно, — несмотря на все предчувствия и предвестия, — так беспощадно рухнувшей катастрофы. Образ гибели ее, бросившейся с моста, долго преследовал меня, как ужасное, раздирающее душу видение. Нужно Вам сказать, что незадолго она написала из Петербурга письмо, почти деловое и внешне <и> по содержанию, но столь безумное внутренне, что между строк его я прочел с ужасом близость какого-то трагического конца. Ее мысль была смятена и помрачена, душа ее была глубоко и (как мне показалось) окончательно больна; я сказал Лидии, что наша Кассандра накануне или безумия, или смерти.² В этом смысле ее самоубийство и не самоубийство даже. Роковая предназначенность к нему сказывалась, во всяком случае, и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры. Сама же она, как я знаю из ее признаний, героически боролась с «Аластором»,³ и религией умела его побеждать — до поры...

Я очень тронут заботой Ф. К. Сологуба о наших вещах, и напишу ему и Татьяне Николаевне. Но достойные наше со смертью Кассандры, повидимому, все же — в значительной, по крайней мере, части, — пропало. Она отдала наш рояль в наем какой-то знакомой, но адрес последней мне неизвестен. Не знаю я также, у кого поставила она мое бюро и другую ценную, особенно по воспоминаниям, мебель нашу (кресла и стулья, сделанные по рисункам Якунчиковой,⁴ старинные стулья петровского времени и пр. и пр.). Быть может, знает обо всем этом Татьяна Николаевна? Не позволите ли ей об этом в досужий день? <...>

Целую Ваши деятельные, дружеские, верные, милые руки.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ См. примеч. 2 к п. 5.

² Очевидно, имеется в виду хранящееся в Римском архиве письмо Ал. Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову из Ленинграда 4 января 1925 г. Письмо наполнено тоской, желанием по-прежнему жить интересами и проблемами семьи Ивановых. Собираясь о своем самочувствии, Чеботаревская писала: «Болезни мои, как и в прошлый раз, три года тому назад, хотя и имеют вид физических, но скорее исходят из другой области».

³ Аластор (Ἄλᾰστωρ) — «в греческой мифологии дух мщения. Представление об Аласторе, возникшее в народном веровании, особенно развито трагиками. У Эсхила Аластор являлся демоном-искусителем <...> один первичный грех порождает целый ряд преступлений. <...> У Софокла и Еврипида Аластор иногда не дух-мститель за преступление, уже совершенное, а просто злой дух, толкающий к преступлению, а затем и вообще дух зла и гибели» (Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1. С. 356). Блестящий знаток и переводчик античной литературы, Иванов, очевидно, обсуждал некоторые темы и сюжеты с Ал. Чеботаревской.

Возможен и иной «источник», объясняющий фразу Иванова: поэма Шелли «Аластор, или Дух одиночества» (1815). В центре ее — образ юноши, пылкого фантазера, потрясенного красотой мира, в одиночестве вообразившего любимое существо. Не найдя его в реальности, он поспешил навстречу Смерти, которая «манила властью чар» в «рай таинственный» (Шелли. Избранные стихотворения / Пер. с англ. В. Д. Меркурьевой. М.: Худож. литература, 1937. С. 24, 22).

⁴ Яхунчикова Мария Васильевна (1870—1902) — художница. Ал. Чеботаревской принадлежит статья о ее произведениях, содержащая и биографические сведения: Художник-друг. (Посмертная выставка произведений М. В. Яхунчиковой) // Русская мысль. 1905. № 4. С. 169—172.

11

О. А. Шор — В. И. Иванову

12 августа 1925 г. Москва

12го августа <19>25 г. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович!

При обращении к Вам с души срывается такой стремительный поток дум и воспоминаний, что я, боясь как бы он не затопил необходимые спешные вопросы и сообщения, решительно останавливаю его преградой: дела, дела, дела...

На днях снова была в Новодевичьем. Могилы все три окончательно зарегистрированы. Хлопот у меня с ними никаких не было. Что касается денег, о кот<орых> Вы повторно спрашиваете, то я точно еще не знаю, сколько это будет стоить, но во всяком случае какие-то совершенные пустяки. Сочтемся.

Теперь вот какой у меня к Вам вопрос: перерегистрация обеспечивает сохранность могил в смысле их неприкосновенности при предполагающейся перепланировке кладбища, но естественно ни в какой мере не касается их сохранности в смысле нарядности их облика. А надо сознаться, что вид запустения они до некоторой степени все же являют. Особенно нехороша могила Веры Константиновны. Окружающие ее запущенные холмы срослись с нею в одну сплошную травяную массу. Могилу необходимо заново обложить. Для этой цели я свела дружбу с монахиней Грушею,

кот<орая> с холмиками обращается, как с любимыми детьми, и долго водила меня по кладбищу, показывая те, за которыми она ухаживает. Могилы Замят<н>иной и Эрна выглядят лучше. С ними можно пока обождать. Переделывать сразу все три могилы Вам будет трудно; да в этом и нет нужды. Очень бы хотелось знать, что Вы обо всем этом думаете.

Звонил мне как-то Кожебаткин,¹ спрашивал, не изменили ли Вы своего решения расстаться с библиотекой; предлагал взять ее на комиссию и продавать книги поодиночке. Я ему обещала Вас об этом запросить. Полагаю, что делать этого не следует. При ликвидации библиотеки частями деньги будут очень редко капать и Вы их не увидите. Если уж продавать, то только целиком, или отдельно автографы на особых условиях. Кожебаткин хотел прийти ко мне «вплотную» поговорить. Что мне ему сказать? Буду ждать Ваших приказаний. К стати о книгах: давно хотела Вас спросить. У Бахрушина я два раза о них справлялась. Предлагала ему охранную грамоту, от которой он отказался; оставила свой телефон, чтоб он мог позвонить в случае каких-нибудь недоразумений. Он не звонил. Говорил он, что все в порядке. Досадно, что я совсем не представляю себе, каково это «все». Не знаете ли Вы точно, сколько ящиков и корзин ему было отдано?² По списку Дегтеревского проверить ничего нельзя, т. к. Александра Николаевна дала три противоречивые справки: что наличность книг соответствует списку, что в музее имеются книги, кот<орых> в списке нет, и что некоторые из внесенных в список книг находятся у нее на квартире. Конечно, Вячеслав Иванович, я очень виновата перед Вами, что в свое время не добилась от нее четкого ответа, но Вы понимаете, почему я не посмела этого сделать... Хотите, чтобы я принялась за выяснение состава Вашей библиотеки, или Вы считаете, что это все равно ничего не изменит, что не следует ее тормошить? Обязательно напишите мне об этом.

По поводу вещей Ваших разговаривала не только с Татьяной Ник<олаевной>, но и с Ольгой Ник<олаевной>, кот<орая> случайно оказалась в Москве и сама мне позвонила. Она мне сообщила, что у них в Петрограде, кроме бюро Вашего, стоит еще какая-то «старая, причудливая мебель». Точнее она ее описать не умела, количества вещей тоже не помнила, но утверждала, их довольно много: стол, стулья (очевидно, столовые и еще какие-то), ночной столик, всякая мелочь и несколько корзинок. Вам просила передать привет и обещание скоро написать. Далее я выяснять уж ничего не могла: Ольга Ник<олаевна> (с кот<орой> мы общались в первый раз в жизни) вдруг заговорила об Александре Николаевне, сказала прерывающимся голосом, что это ужасно, что до сих пор с этим справиться не может и, громко разрыдавшись, бросила трубку...³

Что касается другой Вашей мебели, то я вспомнила, как Михаил Осипович,⁴ описывая однажды Вашу внезапную страстную привязанность к вещам и такую же внезапную небрежность по отношению к ним, упомянул, между прочим, что какие-то Ваши любимые стулья стоят у одной из Ваших учениц. Вспомнив это, я обратилась за сведениями к Марии Борисовне.⁵ Она сказала, что у

Самойловой⁶ действительно стояла и, может быть, стоит Ваша мебель. Самойлову она обещалась направить ко мне, лишь только та приедет в Москву. Случится это поздней осенью. Спрашивала я про Самойлову и у Чулкова. Он затерял ее адрес. Обидно, что ни он, ни М<ария> Б<орисовна> не помнят ее фамилию по мужу. Не знаете ли ее случайно Вы? Как мужа зовут? Где он служит? Тогда его найти будет легко. Заходила я и к Дегтеревскому. Он уехал отдыхать. Вернется через месяц. Мать его просила Вам кланяться и передать, что крестница⁷ Ваша Вас по бюсту⁸ прекрасно знает и нежно дергает за нос. (Впрочем, последнего она не просила Вам передавать.) Рассказывала она про А<лександр> Н<иколаевну>, что все предшествующее кончине время покойная была страшно обеспокоена тем, что не так распорядилась Вашими вещами, как надо. Все перевозила их с места на место. «Привезет, бывало, оставит часа на 3—4 и опять куда-то заберет их. Совсем безумная была».

Как странно, Вячеслав Иванович, ведь все видели, что «совсем безумная» она была, и все же никто не решился ее выспрашивать даже тогда, когда это было бы необходимо. Вот и к Чулковой⁹ часто приходила А<лександра> Н<иколаевна>, все пыталась покаяться в «смертном грехе». А Над<ежда> Григ<орьевна> (праведно от имени своего религиозного сознания, но совершенно неправильно медицински) отвечала ей, что «смертных грехов» выслушивать не может, и отсылала больную в церковь. Старого духовника Ал<ександры> Ник<олаевны> там не было и ей пришлось обратиться к его преемнику — (сыну, кажется. Вы его не знаете?). Этот же священник ее и отпевал. Во время его речи становилось до ужаса очевидным, что неспособен он был утешить больную душу, изнывавшую под тяжестью мнимого преступления. Если уж он счел своим долгом что-то говорить и в чем-то оправдываться, то он, естественно, должен был и мог сказать лишь то, что знаете Вы, чувствовалось всеми нами, напрашивалось само собою, — что поступок покойной — припадок безумия — был такой же болезнью, как всякая другая смертельная болезнь, кот<орую> нельзя считать грехом... Нет, он сообщил, что решился отпевать ее после долгих колебаний лишь потому, что она подвергалась самому страшному из всех соблазнов и искушений. Она жила и душа ее гнила в мерзкой среде писателей и так называемых литературных критиков, котор<ые> копаются в своей и чужой порче. Ей можно простить, что она не выдержала такого испытания и погибла...

Слова — самоубийство — он не произнес. Говорил он без конца. Внешне и внутренне немощно звучал его неприятно-напевный дискант после огненных слов Службы. В храме было страшно тесно. Всё чужие люди, задержавшиеся после Великопостной обедни. По ним проходило недоумение, порой скверное любопытство. Некоторые подползали с вопросами. Какая-то старуха: «Скажите, что она — убивица что ли?»... Какой-то мальчик: «Да разве она самоубийством покончила?»... Я стояла близь покойной, не могла оторваться от ее лица. Оно было совершенно, благостно спокойно. Но странно: кожа казалась влажной и чрез нее густо проступали капли воды, точно глубокие, с трудом проли-

вающиеся слезы. (Потом я решила, что то было воображением, но Мар<ия> Борис<овна> вдруг спросила меня: «А Вы не заметили, что лицо у Ал<ександры> Ник<олаевны> было мокрым?»). Напоминание о последней муке и выражение блаженной тишины заставляли фальшью звучать извиненья и проклятья, оглашавшие церковь. Сердце мучительно сжималось от анафемы поэзии и поэтам, а в голове пронеслись и душу спасительно волновали боговдохновенные ритмы стихов — Пушкинских, Гетевских, Рильковских, Ваших...

Конечно, Вы до конца правы: «ее самоубийство — не самоубийство даже». Больше того: образ ее гибели, Вас долго преследовавший, — в действительности, по-видимому, ничему не соответствует. Судя по всему, Ал<ександра> Ник<олаевна> с моста вовсе не бросалась. Она подошла близко к реке; в воду ее непреодолимо тянуло, и она в нее — бросилась или упала?.. Умерла, вероятно, моментально от разрыва сердца. Во всяком случае матрос, А<лександр> Н<иколаевн>у сейчас же вытащивший, нашел ее уже мертвой. Не только в высшем духовном, но и в самом прямом, эмпирическом смысле, смерть ее, пожалуй, не была самоубийством. А все же не думаете ли Вы, что не в форме...

17.VIII.25 г.

Прервали меня. И довольно основательно. За всей суетой сует никак не могла дорваться до письма. Но я хорошо помню, о чем хотела Вас спросить, потому что давно уже хотела Вас об этом спросить, и потому что вопрос этот молча поставлен теми Вашего письма. Что увело А<лександр> Н<иколаевну> из жизни? Я не о «роковой предназначенности» говорю, сказавшейся «и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры». Я спрашиваю: что означает смерть «Кассандры» в плане не ее, а Вашей жизни? Есть что-то роковое в дерзости приблизиться к Вам. Ведь А<лександр> Н<иколаевна> — не первая. Пусть даже они, Вас любившие, умершие — погибали внутренне и внешне необходимо, от Вас независимо, следуя своему собственному непреклонному закону. Но почему именно они, обреченные, к Вам влекутся? Почему Вы именно их выбираете?..¹⁰ Вам, как никому из людей нашего века, было дано испытать, изжить, узнать трагическую судьбу, трагическую вину, темную душу Рока. Не потому ли Вы теперь так больно, остро, подлинно видите во всем поставленность перед последним выбором? Но Вам не только испытать, Вам сказано и Вы не умеете молчать, хотя бы и чувствовали, как при «взрыве всех смыслов» «немееет лира». Вы говорите, что писали бы «большую, важную, оригинальную поэму о России, если бы»...¹¹ Но разве для того, чтобы петь о России, Вам нужно (хотя бы внутренне) — ее видеть и называть? Для этого Вам надо лишь доверчиво всматриваться в свою глубину. Разве все последние вопросы о судьбах страны не решаются, в конце концов, в одиноких, отрешенных душах ее значительных Сынов?.. <...>

Буду бесконечно благодарна, если черкнете хоть несколько слов о себе и своих. <...>

Вам самый сердчный привет от Вашей, безгранично преданной, — везде, всегда

О. Шор.

¹ *Кожебаткин Александр Мелетьевич* (1884—1942) — московский литератор, издатель и библиофил. В 1911—1912 гг. был секретарем издательства «Мусаетет».

² Речь идет об имуществе, оставленном Ивановым перед отъездом в Италию в Государственном Центральном Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Сам Бахрушин называл его «Литературно-театральным» и пополнял свою обширную коллекцию театральных реликвий книгами и автографами произведений и писем писателей. См. заявление Иванова на имя директора музея с просьбой принять на хранение «библиотеку, рукописи, музыкальные инструменты, мебель и сундуки с вещами» (*Обатин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 30—31). Однако, в настоящее время «следов» пребывания библиотеки Иванова в Театральном музее обнаружить не удалось.

³ См. прим. 2 к п. 5.

⁴ См. прим. 4 к п. 1.

⁵ См. прим. 1 к п. 5.

⁶ В архиве Ал. Н. Чеботаревской среди расписок лиц, получивших на хранение вещи и книги Вяч. Иванова, имеется и расписка Евгении Львовны Самойловой, датированная 25 июлем 1923 г. «Вещи эти приняты мною на хранение впрямь до требования их Вячеславом Ивановичем Ивановым», — заверяет она (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 34).

⁷ Вероятно, имеется в виду дочь И. М. Дегтеревского Наташа; см. п. 3.

⁸ У И. М. Дегтеревского, помимо книг, предметов мебели, принадлежавших семье Ивановых, хранились картины, скульптуры, барельефы: см. в архиве Ал. Н. Чеботаревской составленные им списки (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 35, 41). В данном письме речь идет, скорее всего, о бюсте Вяч. Иванова работы известного скульптора Анны Семеновны Голубкиной (1864—1927). Их знакомство состоялось в Москве, в 1914 г., тогда же начата работа над бюстом. Голубкиной посвящено стихотворение Иванова «Утренняя гробу» (1914). Их последняя встреча состоялась в Москве, перед отъездом семьи Ивановых в Италию. Весной 1924 г., сообщая сестре о московских знакомых, Голубкина писала: «В. Иванов командирован за границу. Приехал в Москву теперь» (*Голубкина А. С.* Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М.: Советский художник, 1983. С. 96—97). Нынешнее местонахождение бюста Вяч. Иванова — Государственный музей-мастерская скульптора А. С. Голубкиной в Москве.

⁹ *Чулкова Надежда Григорьевна* (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова. О сердечных взаимоотношениях свидетельствуют письма Чулковой к Ал. Чеботаревской. В последнем из них, от 1 (13) января 1925 г., Надежда Григорьевна писала: «Говорят, что Вы все страдаете мигренями? Очень это мучительно. Бедная Вы моя! Не жалейте своего здоровья, — живете не по силам» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 182, л. 10). См. также ее воспоминания «Вячеслав Иванов», существенно дополняющие книгу мужа, из неопубликованной рукописи «Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми»: *Чулкова Н. Г.* «Ты — память смолкнувшего слова...»: Из воспоминаний о Георгии Чулкове / Публ. и предисл. Л. Илюиной // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1989. № 157. С. 125—149. Полный текст книги см.: РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 35, № 192, а также: РГБ, ф. 371, карт. 5, № 43; карт. 6, № 1.

¹⁰ Ср. суждение Н. А. Бердяева об этой особенности личности Иванова в философской автобиографии: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщины, действовал неотразимо. Но, в конце концов, люди от него уходили. Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вампирическое, но внимательное, широкооблагодетельное» (*Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 154).

¹¹ О. А. Шор откликается на фразу в письме Вяч. Иванова от 27 июля 1925 г.: «Дорогая Ольга Александровна, я писал бы большую важную оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, — если бы я видел в духе Россию и теперь; но это зрение у меня отнято...» (хранится в Римском архиве Вяч. Иванова). Возможно, здесь говорится о будущей «Повести о Светомире царевиче».

В. И. Иванов—О. А. Шор

18 сентября 1925 г. Рим

Рим, 18 сент<ября> 1925.

Я бесконечно виноват перед Вами, дорогой друг мой, Ольга Александровна: мое чрезмерно долгое молчание непростительно.

<...> очень сожалею, что не написал Вам в ответ своевременно, как благодарен за Вашу заботу о могиле Веры, и что прошу Вас исправить ее из денег, мне присылаемых.

Далее, по вопросу о моих вещах должен я был давно просить Вас — и прошу ныне — выяснить следующий таинственный факт. В августе была у меня Мария Григорьевна Гречанинова¹ и передала мне сорок рублей, полученных ею от Татьяны Николаевны Чеботаревской за продажу какой-то моей мебели. Что же это за мебель, проданная за 40 р.? Как ни нужны деньги, я все же испытал больше тревоги, чем удовольствия. <...>

¹ Имеется в виду жена композитора Александра Тихоновича Гречанинова (1864—1956), автора музыки на стихи Вяч. Иванова.

О. А. Шор — В. И. Иванову

29—30 октября 1925 г. Москва

<...> 30 окт<ября>.

На целые сутки меня прервали. За это время я смогла выяснить вопрос о 40 р. Татьяна Ник<олаевна>, как я и думала, возвратила Вам старый долг Алекс<андры> Ник<олаевны>. Давно еще — Вы, вероятно, знаете от самой А<лександры> Н<иколаевны> — был продан какой-то стол и какой-то шкаф, за кот<орый> А<лександра> Н<иколаевна> Вам не доплатила 4-х червонцев. Вот эти-то деньги Тат<ьяна> Н<иколаевна> и передала Гречаниновой, сказав, что это — за «мебель».

На все затронутые Вами деловые вопросы ответила. К сожалению, Вы ничего не написали мне о своей библиотеке. Впрочем, никто больше по поводу нее со мной не разговаривал. Но мне все же хотелось бы знать Ваши желания на ее счет. <...>

Целую Ваших. Вам самый сердечный привет.

Ваша О. Шор.

В. И. Иванов—О. А. Шор

19 июня 1929 г. Павия—Рим

19.VI.29.

<...> Вздохнул я о славном Бахрушине;¹ вопрос же о книгах me rend tout a fait perplexe.^a Прежде всего, никакой расписки из Музея я не брал. Далее, куда мне девать книги, кто их возьмет? Академия? Думаю продать их Академии, — сколько Шпетт² предлагал? Все равно их в глаза не увидишь. Не в Баку же их пересылать к Зуммеру³ или Харьков (Музей)? Издержки большие! Придумайте что-нибудь для меня.

¹ А. А. Бахрушин скончался 7 июня 1929 г.

² Друг Вяч. Иванова философ Густав Густавович Шпет (Шпетт) (1879—1940?) в 1923—1929 гг. возглавлял ГАХН.

³ См. п. 6.

В. И. Иванов — О. А. Шор

8 июля 1929 г. Павия

8 июля 29.

<...> по вопросу о книгах должен иметь Ваши соображения и директивы. Я бы охотно продал Академии эти книги, пользоваться коими мне, по-видимому, в жизни не суждено. Оградить же их — даже и без распыления музеям — разве уж так необыкновенно трудно? Какое прошение подала Мария Борисовна, добрая, в Союз Пис<ателей>? Чтобы они защитили и взяли к себе книги? Есть ведь и еще кое-что, отданное на хранение Сологубу, и, м<ожет> б<ыть>, это знает только Татьяна Николаевна Чеботаревская? Но что я могу сделать отсюда без Ваших советов? <...>

---

^a Меня совсем озадачил (франц.).

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

<i>Е. Р. Обаттина</i> . Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника	3
<i>Л. И. Кузьмина</i> . В. В. Пушкирева-Котляревская (по материалам архивов К. Р. и Н. А. Котляревского и по личным воспоминаниям)	24

II. ПУБЛИКАЦИИ

Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову. (Публикация <i>К. Ю. Лапто-Данилевского</i>)	33
Письма А. М. Бакунина к Н. А. Львову. (Публикация <i>Л. Г. Агамалян</i>)	43
Письма Н. М. Языкова к В. Д. Комовскому за 1836—1846 гг. (Публикация <i>Л. В. Ерастовой</i>)	96
Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть III (1884—1891). (Публикация <i>Н. П. Генераловой</i>)	115
Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Часть II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904). (Публикация <i>А. М. Грачевой</i>)	153
Письма великого князя Константина Константиновича к А. А. Шахматову. (Публикация <i>Т. Г. Ивановой</i>)	206
Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской. (Публикация <i>А. В. Лаврова</i>)	238
<i>Л. Н. Иванова</i> . Римский архив Вячеслава Иванова	296
Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сугуиной и Р. В. Рурь). (Публикация <i>Т. А. Кукушкиной</i>)	341
Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942). (Публикация <i>А. Л. Длитренко</i>)	403
<i>Б. В. Шергин</i> . Дневник 1945 года. (13 августа—23 сентября). Часть II. (Вступительная заметка <i>А. Н. Мартыновой</i> , публикация <i>И. А. Красновой</i>)	431
Письмо В. Я. Проппа к В. С. Шабунину. (Публикация <i>Н. А. Прозоровой</i>)	458

III. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

<i>Н. А. Прозорова</i> . Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1991—1992 годах	464
Указатель имен	468

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1997 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *Е. М. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 25.11.01. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 30.5. Уч.-изд. л. 33,35.
Тираж 700 экз. Заказ № 4522

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net